

ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ МИРА / LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE WORLD

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.42.4>

СЮЖЕТ «ОТЛОЖЕННОЙ ИНИЦИАЦИИ» В РОМАНЕ Х. ХОССЕЙНИ «БЕГУЩИЙ ЗА ВЕТРОМ»

Научная статья

Шалимова Н.С.^{1,*}¹ ORCID : 0000-0001-9636-1262;¹ Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (dm561[at]ya.ru)

Аннотация

Статья посвящена исследованию взросления и формирования протагониста в романе Х. Хоссейни «Бегущий за ветром». Изучаются ключевые мотивно-тематические комплексы романа, выделяются опорные точки композиции, сюжетообразующие образы. В качестве наиболее значимых обозначаются темы раскаяния, преодоления, искупления. Выдвигается гипотеза об «отложенной» инициации героя: не справившись с испытанием в возрасте неопыта, герой словно проходит обряд посвящения второй раз, уже будучи взрослым мужчиной. Для поэтики романа характерна ретроспективная композиция, исповедальная тональность, мультикультурная проблематика: роман затрагивает историко-культурные контексты, через призму которых раскрывается глубоко личная история, имеющая автобиографический характер.

Ключевые слова: духовное становление, инициация, мультикультурная проблематика, мотив искупления, самоидентичность.

THE PLOT OF "DELAYED INITIATION" IN KH. HOSSEINI'S NOVEL "THE KITE RUNNER"

Research article

Shalimova N.S.^{1,*}¹ ORCID : 0000-0001-9636-1262;¹ Moscow City University, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author (dm561[at]ya.ru)

Abstract

This article is dedicated to the study of adulting and the development of the protagonist in Kh. Hosseini's novel "The Kite Runner". The key motif-theme complexes of the novel are studied, the main points of the composition and plot-forming images are highlighted. Themes of repentance, coping and redemption are identified as the most significant ones. The hypothesis of "delayed" initiation of the hero is put forward: having failed the trial as a neophyte, the hero seems to undergo the rite of initiation for the second time, already being an adult man. The poetics of the novel is characterized by a retrospective composition, a confessional tone and multicultural issues: the novel touches on historical and cultural contexts, through the prism of which a deeply personal and autobiographical story is disclosed.

Keywords: spiritual development, initiation, multicultural issues, redemptive motive, self-identity.

Введение

Сюжет инициации становится одним из ключевых нарративов современной литературы США [7]. Обращение к универсальной архаичной схеме посвящения позволяет писателям проблематизировать темы взросления и социализации подростков, внутреннего преодоления, социальных и психологических трансформаций. Нарративная схема таких произведений содержит три части, а путь героя в художественном пространстве текста символически связан со стадиями инициации. Выделяется три этапа обряда: сегрегация: отделение посвящаемого от старого окружения и разрыв с прошлой жизнью; транзикация (лиминация): промежуточное состояние, реализующее само посвящение; инкорпорация (агрегация): последующее включение индивида в жизнь общества в новом качестве [2].

В художественном пространстве текста *испытание* становится кульминацией социального и экзистенциального взросления протагониста, проверкой его внутренней зрелости [1]. В качестве жанрообразующих элементов романа инициации можно назвать: исповедальность, трехчастную композиционную структуру (фаза обособления, фаза партнерства, лиминальная (пороговая) фаза, фаза преобразования) [6], особый хронотоп (лиминальные пространства).

Важнейшую роль в романе инициации начала XXI века играют темы взросления, культурной, гендерной, этнической, национальной самоидентификации подростков («Средний пол» Дж. Евгенидиса, (Middlesex, 2003), «Бегущий за ветром» Х. Хоссейни (The Kite Runner, 2003)), преодоления кризисов, трагедии, травмы («Щегол» Д. Тартт, «Жутко громко и запредельно близко» Дж. Фоера (Extremely Loud and Incredibly Close, 2005)), осознания себя через прошлое семьи, в том числе через противопоставление семейным традициям своей личной истории («Короткая и удивительная жизнь Оскара Вау» Дж. Диаса (The Brief Wondrous Life of Oscar Wao, 2017), «Снежная королева» М. Каннинггема (The Snow Queen, 2014), «Маленький друг» Д. Тартт (The Little Friend, 2002)).

Одним из знаковых произведений, событийной основой которого становится сюжет инициации, является дебютный роман Х. Хоссейни «Бегущий за ветром». Для осмысления поэтики романа представляется необходимым выделить кульминационные сюжетные повороты, связанные с испытаниями протагониста; обозначить специфику репрезентации архитектоники посвящения («отложенная» инициация героя); представить соотношение индивидуального/социального в формировании личности Амира (Amir). Для осмысления семантики указанных

повествовательных пластов применяются следующие методы исследования: метод нарративного анализа, сравнительно-типологический, социокультурный.

В основе методологии исследования лежат труды А. Ван Геннепа [2], В.Я. Проппа [4], затрагивающие проблемы репрезентации обряда инициации в художественном тексте; работы М. М. Бахтина [1], В.И. Тюпы [6], анализирующие процессы жанровых трансформаций; исследования Кривцовой Ю.П., Филипповой С.Г. [3], Толкачева С.П. [5], посвященные дискурсу мультикультурности в современной литературе.

В центре произведения находится судьба Амира, афганского мальчика, который в форме исповеди от первого лица рассказывает свою историю. Хронологические рамки повествования охватывают детские, юношеские и зрелые годы Амира, перед читателем разворачивается диалектика его духовного становления [1]. Нарратив включает историко-культурные, этнические, религиозные контексты. Ключевыми в эмотивном пространстве произведения становятся бинарные оппозиции предательства и искупления, эгоцентризма и сострадания, отказа от собственной национальной и культурной идентичности и ее обретения через сопереживание и искупление.

Обсуждение

Роман начинается с ретроспективного повествования Амира о своих детских годах. Амир рос в обеспеченной семье и воспитывался отцом, его мать умерла. Важную роль во взрослении героя играет история, связанная с Хасаном (Hassan), другом детства и «молочным братом»: *«Меня и Хасана вскормила одна женщина. Свои первые шаги мы сделали на одной и той же лужайке на одном и том же дворе. И под одной крышей мы произнесли наши первые слова [9, С. 22].* Однако мальчиков разделяет классовое неравенство: Хасан по национальности паштун (национальное большинство в Афганистане), он принадлежит к состоятельному сословию: *«Все соглашались, что особняк моего отца, моего Бабы, был самым красивым в Вазир-Акбар-Хане, новом богатом районе на севере Кабула» [9, С. 10],* в то время как Амир – хазарец, он из бедной семьи и, по сути, является слугой Хасана. Хасан подшучивает над неграмотностью Амира, временами тяготеет их дружбой и не показывает ее публично, ревнует к нему отца, считая, что тот проявляет к мальчику слишком много теплоты. В воспоминаниях протагониста о Хасане подчеркиваются ключевые качества этого героя: преданность (*for you, a thousand times over*), физическая особенность (*harelipped*), талант «ловца» (*kite runner*).

Завязка романа строится на описании традиционного ежегодного соревнования по запуску воздушных змеев, на котором Хасану и Амиру удастся одержать победу: их змей парил в воздухе дольше всех. Образ воздушного змея лежит в основе поэтики заглавия (*The Kite Runner*), в произведение включается экскурс, посвященный правилам состязаний на воздушных змеях в Кабуле, так раскрывается этнокультурная специфика этого образа [3, С. 125].

Эта сюжетная ситуация обрамляет композицию: она открывает произведение, с ней связано предательство, так тяготившее Амира. В сильной позиции финала именно запуск змея, уже с сыном Хасана, дарит протагонисту прощение и избавляет от преследовавшего всю жизнь чувства вины.

Читатель узнает, что в Афганистане ловля змеев – старинный вид развлечения (*old tradition in Afghanistan*). Турниры проводятся до победного конца, что свидетельствует о духе жесткости и борьбы. Амир подчеркивает, что воздушный бой не предполагает правил (*no rules*), возможны конфликты и драки (*fight breaking out*), происходящее часто становится неконтролируемым (*all hell broke loose*), поскольку цель – сбить змея противника любой ценой (*cut the opponents*). Так, на примере невинного, на первый взгляд, развлечения артикулируется жестокость, сопряженная в романе с темой детства, которая будет многогранно эксплицирована в «военных» главах.

По окончании соревнований над Хасаном издевается его антагонист Асеф, Амир оказывается свидетелем этой жестокой сцены, но не находит в себе смелости заступиться. С темой предательства, которое главный герой совершает по отношению к Хасану, связаны мотивы раскаяния и искупления, к этой истории он постоянно возвращается в своем сознании: *«Тем, кто я есть, я стал зимой 1975 года, в морозный пасмурный день. Эта минута навсегда врезалась мне в память: пригнувшись, я хоронюсь за саманной стеной у замерзшего ручья и украдкой наблюдаю за тем, что совершается в переулке. Все это происходило давно, но не верьте расхожим присказкам, что, мол, «было и бываем поросло». Прошлое впицается в тебя словно когтями, не оторвешь. Оглядываясь сейчас назад, я четко понимаю: вот уже двадцать шесть лет краду я тайком наблюдаю за тем, что творится в переулке. И нет этому конца» [9, С. 9].* Эта личная трагедия представлена параллельно с переломным историческим событием: вводом Советским Союзом войск в Афганистан.

Одним из семантических центров романа является «празднование зрелости» главного героя, Амиру исполняется 13 лет. В церемонии сохраняется обрядовая часть, совершается даже жертвоприношение животных. При этом герой тяготеет искусственности, ритуальностью происходящего, необходимостью соответствовать социальным ожиданиям, играть роль. Он говорит, что ему хотелось бы оказаться в своей комнате, рядом с книгами.

Впоследствии обрядовость, культурологическая составляющая будет проявлена в свадебном (женитьба Хасана на Сарае) и похоронном обрядах (погребение отца).

Книги занимают важное место в системе ценностей мальчика, выразительно изображается формирование его писательского таланта, герой познает себя через литературу. Одним из первых ценителей творчества Амира становится Хасан, не будучи грамотным, он тонко и многогранно воспринимает художественный текст. В детские годы Амир ищет свой стиль, в более зрелый период мучительно определяет круг тем и вопросов, которые следует осветить в произведениях. Он понимает, что темы памяти, истории Афганистана должны быть магистральными, но выбирает более востребованные и понятные читателю, с этим сопряжены душевные муки и страдания: *«Карьера писателя, Калифорния, больше ничего не нужно...».* Эта дихотомия свойственна герою на протяжении всего его жизненного пути, ему приходится делать выбор между конформизмом и совестью. Ключевыми эпизодами здесь являются: сцена насилия над Хасаном, когда он проявляет слабость и последующая сцена с его сыном, когда Амир, напротив, демонстрирует мужество, стойкость, храбрость и искупает грех.

Спасаясь от войны, Амир с отцом эмигрируют в США. Но в попытке искупить вину, уже взрослый герой возвращается в Афганистан [3]: *«Меня настигло прошлое, мои неискупленные грехи»* [9, С. 9]. *Такую поездку совершил и автор, Х. Хоссейни*. Нарративу возвращения свойственна мозаичность, разные детали, образы, даже звуки и запахи становятся частью общей целостной картины детства героя, истории его страны и семьи. Например, Амир встречает нищего, который был знаком с матерью героя, они работали в одном университете. Так, тема памяти становится ключевой в обретении целостности его личности и последующего искупления. Другим примером является то, что герой находит надпись *«Амир и Хасан – повелители Кабула»*, которая воскрешает детские воспоминания, позволяет отличить настоящие ценности от ложных. Герою открывается тайна: Хасан не только его названный, «молочный» брат, но и родной брат по отцу. Амир узнает, что друг детства и его жена погибли, но жив их сын Сохраб (Sohrab), которого он может разыскать и спасти от правления Талибана. Он ищет мальчика в детских домах Афганистана, но выясняет, что ребенок, как и многие другие дети, находится в плену у Асефа, того человека, который когда-то обидел его отца. Схватка с Асефом, в описании которой много жестокости, крови во имя спасения Сохраба, становится символом храбрости, решительности Амира, его *отложенной инициацией* [2]: *«Время сжимается и растягивается. Ледяной блеск кастета. Несколько ударов – и кусок металла нагревается. Моя кровь тому причиной... Глотаю собственные зубы. Кровь из разбитой верхней губы заливает розоватый ковер. Боль раздирает внутренности, не могу дышать. Слышен сухой треск»* [9, С. 316]. Рефреном в описании драки повторяется «Крик Сохраба», который уже в промежуточном состоянии сознания слышит герой. Именно присутствие мальчика дает ему силы выстоять в символическом плане, и именно Сохраб выстрелом из рогатки спасает Амира буквально. В результате этого поединка у Амира ранена губа, впоследствии он говорит, что видит в себе Хасана, у которого был ровно такой изъян, «заячья губа», которой он стыдился: *«Конец поединка тоже запомнился. Так и стоит перед глазами. Уж этого-то мне никогда не забыть»* [9, С. 316]. Физическая боль как бы искупляет духовные страдания протагониста [10, С. 235]. Весь путь героя сопряжен со встречей со смертью, этот мотив является традиционным для инициации [4]. Амир говорит, что смерть окружает его, присутствует всюду, сам он при этом остается жив: *«Смерть, смерть вокруг меня, а я по-прежнему жив»*.

Благодаря стойкости главного героя, открывшейся в нем смелости и силе (дубликация сюжетной ситуации: невозможность постоять за отца/потребность защитить сына), им с мальчиком удается бежать. Между героями случается откровенный разговор, тоже словно отложенный, несостоявшийся когда-то между протагонистом и отцом Сохраба. За ним следует горячая искренняя молитва Амира: *«мальчик жив, все хорошо»*, говорит он. После этого герои встречаются с новым испытанием: столкнувшись со сложностями усыновления и выезда в США, Амир говорит Сохрабу о том, что, возможно, мальчику придется в течение недолгого времени снова побыть в детском доме, хотя знает, что это его главный страх. Пережитое насилие и готовность Амира нарушить слово подтолкнули Сохраба к попытке самоубийства. Мальчик выжил, но замкнулся, закрылся от мира. Ключевой в поэтике романа становится заключительная сцена, которая рифмуется с началом произведения: Амир, увидев воздушных змеев, покупает одного для мальчика. Они вместе запускают его, как когда-то с Хасаном, и тогда Сохраб впервые улыбается, *«глаза его больше не казались стеклянными»*, – замечает нарратор. В финальной сцене Амир произносит ключевые для понимания семантики и поэтики романа слова о том, что ему словно опять было двенадцать лет, он описывает себя как *«взрослого мужика в толпе визжащих детей»*, эта сцена символизирует освобождение и искупление, успешно пройденную инициацию [7, С. 3802]. Рискнув спокойной и благополучной жизнью в Америке, где у него есть *«жена, дом, карьера»*, Амир совершает решительный поступок, возвращается на родину и спасает племянника, разрушая *«череду обманов, предательства и гнусных тайн»*, сопутствующих его истории прежде.

Переплетение судеб, историческая проблематика, мультикультурный дискурс [5, С. 180] расширяют нарративное пространство романа. Диегетическая субъектная наррация [9] первой части романа сменяется полифонией голосов во второй, добавляются внесюжетные элементы, которые выполняют характерологическую и сюжетообразующую функции (письма, сны, палароидный снимок и др.).

Заключение

В романе Х. Хоссейни «Бегущий за ветром», на наш взгляд, репрезентирован сюжет «отложенной инициации». В возрасте неопита герой не справляется с испытаниями, но этот нарратив оказывается лишь одним из этапов, сам же путь духовного роста носит вневременный характер, поскольку постижение Истины, Смысла жизни не является конечным [6]. Перед героем открывается перспектива самого Пути, его многомерность, хтоническое иномирье основной части романа (буквальное (атмосфера разрушений и смерти, жестокости, бесприютности, связанная с войной) и метафорическое (внутренние страдания)) сменяется духовным перерождением, очищением главного героя в финале.

Протагонист инстинктивно ищет способы спасения, которые в нравственно-психологических и этических романских модусах интерпретируются как пути духовного взросления и личностного становления, а на уровне символично-мифологического подтекста становятся путями инициации. Нарративная схема инициации реализуется многовекторно и находит воплощение в виде парадигмы инвариантных сюжетно-смысловых коллизий, существующих в отношениях полифонического взаимоотражения. С точки зрения нравственно-психологического и аксиологического наполнения, путь Амира эксплицируется одновременно как экзистенциальная и социальная инициация (осознание героем собственного «я»); фронтальная (протагонист пересекает границы семиотического поля, контуры Я и Другого размываются, открываются дискурсы Инаковости: в себе, в окружающих людях, в жизни в целом); сакральная (встреча с воплощением непознаваемого, преображающая сознание: молитва героя, прощение и искупление); духовная (поиск Счастья и его истинного смысла, отказ от эгоизма). Так, архетипический сюжет инициации в романе Х. Хоссейни обладает многомодусной сюжетной парадигмой, но содержит инвариантную доминантную целостность, которая интегрирует разновекторные коллизии в художественное единство, такой целостностью становится возможность любви и сострадания.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Бахтин М.М. Эпос и роман (О методологии исследования романа) / М.М. Бахтин. — СПб.: Азбука, 2000. — 304 с.
2. Ван Геннеп А. Обряды перехода / А. Ван Геннеп. — М.: Восточная литература, 1999. — 198 с.
3. Кривцова Ю.П. Вербализация афганской мультикультурности в американском романе Х. Хоссейни «Бегущий за ветром» (The Kite Runner) / Ю.П. Кривцова, С.Г. Филиппова // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — №18(3), 2020. — С. 118-128.
4. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп. — М.: Лабиринт, 2000. — 336 с.
5. Толкачев С.П. Билингвизм как отражение мультикультурной парадигмы в современной английской литературе / С.П. Толкачев // Вестник Моск. ун-та. Серия 22. Теория перевода. — No. 3, 2016. — С. 73-86.
6. Тюпа В.И. Анализ художественного текста / В.И. Тюпа. — М.: Академия, 2009. — 336 с.
7. Шалимова Н.С. Поэтика романа инициации в современной литературе США / Н. С. Шалимова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Т. 15, № 12, 2022. — С. 3800-3803.
8. Шмид В. Нарратология / В. Шмид. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — 312 с.
9. Хоссейни Х. Бегущий за ветром / Х. Хоссейни. — М.: Фантом Пресс, 2022. — 416 с.
10. Boes T. Modernist Studies and the Bildungsroman: A historical survey of critical trends / T. Boes // Literature Compass. — №3(2), 2006. — P. 230-243.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bakhtin M.M. Epos i roman (O metodologii issledovaniya romana) [Epic and Novel (On the Methodology of the Study of the Novel)] / M.M. Bakhtin. — SPb: Azbuka, 2000. — 304 p. [in Russian]
2. Van Gennep A. Obryady perekhoda [Rites of Passages] / A. Van Gennep. — M.: Vostochnaya literatura, 1999. — 198 p. [in Russian]
3. Krivcova YU.P. Verbalizaciya afganskoj mul'tikul'turnosti v amerikanskom romane H. Hossejni «Begushchij za vetrom» [Verbalization of Afghan Multicultural Background in the American Novel by Kh. Hosseini "The Kite Runner"] / YU.P. Krivcova, S.G. Filippova // Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya [Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication]. — №18(3), 2020. — P. 118-128. [in Russian]
4. Propp V.YA. Istoricheskie korni volshebnnoj skazki [Historical Roots of a Fairy Tale] / V. Ya. Propp. — M.: Labirint. 2000. — 336 p. [in Russian]
5. Tolkachyov S. P. Bilingvizm kak otrazhenie mul'tikul'turnoj paradigmy v sovremennoj anglijskoj literature [Bilingualism as a Reflection of a Multicultural Paradigm in Modern English Literature] / S. P. Tolkachyov // Vestnik Mosk. un-ta. Teoriya perevoda [Moscow University Translation Studies Bulletin. Translation Theory]. — No. 3, 2016. — P. 73-86. [in Russian]
6. Tyupa V.I. Analiz hudozhestvennogo teksta [Analysis of a Literary Text] / V.I. Tyupa. — M.: Akademiya. 2009. — 336 p. [in Russian]
7. Shalimova N. S. Poetika romana iniciacii v sovremennoj literature SSHA [The Poetics of the Initiation Novel in Modern US Literature] / N. S. Shalimova // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philology. Theory & Practice]. — Vol. 15, № 12, 2022. — P. 3800-3803. [in Russian]
8. Shmid V. Narratologiya [Narratology] / V. Shmid. — Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2003. — 312 p. [in Russian]
9. Hosseini Kh. Begushchij za vetrom [The Kite Runner] / Kh. Hosseini. — M.: Fantom Press, 2022. — 416 p. [in Russian]
10. Boes T. Modernist Studies and the Bildungsroman: A historical survey of critical trends / T. Boes // Literature Compass. — №3(2), 2006. — P. 230-243.